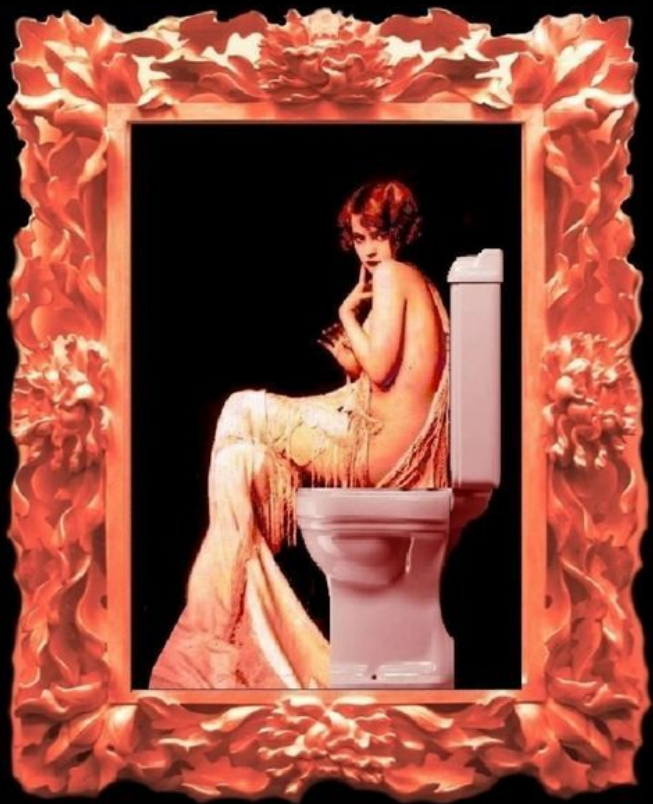

ИГОРЬ СОКОЛОВ

АНГЕЛ

В МИНУТУ ДЕФЕКАЦИИ

Игорь Павлович Соколов

Ангел в минуту дефекации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961120

ISBN 9785447426880

Аннотация

В данный сборник вошли самые сокровенные рассказы и стихи автора о любви, о любви грязной и чистой, как сама жизнь во всех ее противоречиях, и о ее могущественной силе, какая владеет иными людьми на протяжении всей их жизни.

Содержание

Пережитое в оргазме	6
В безумии уже который день	12
Под одиноким фонарем	14
Невероятно, – зная о Вселенной все	30
Вечная тайна	32
Твое лоно как нежная птица	36
Очищение	37
Жаркий полдень, сон из детства	41
Младенец	43
Жаркий полдень, сон из детства 2	47
Азбука любви	49
Девы в блаженстве цветений	52
Из темноты возникновения (таинственные надписи)	54
Мы все теряем нежное тепло	60
Женщина	61
В Тебе существовал я словно в бездне	68
Из темноты возникновения	69
2 (таинственные надписи)	
Ночная нимфа	73
Супружеский шпионаж	75
Загуляли пьяные девчонки	79
Последняя правда любви	80

Ангел в минуту дефекации

Игорь Соколов

© Игорь Соколов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пережитое в оргазме

*«Есть мысли, которым никогда не оформиться
в слова – даже обмысленные»*

Станислав Ежи Лец

Пережитое в оргазме подобно шоку запечатленного конца... Конца всей Вселенной...

Наверное, Богу было угодно, чтобы мы трахались как зверьки, редко задумываясь о смысле своего существования... Еще Богу было угодно, чтобы мы насиловали и мучили других, ибо вслед за способностью проникать внутрь другого существа нам была дана способность мучать это самое существо и наслаждаться его мучениями до абсолютного отсутствия каких либо проблесков разума... Нам нравился туман совокуплений и мы пропадали в нем до отупения...

Я познакомился с ней в кинотеатре, мы сидели с ней совершенно одни на последнем ряду.

Она громко хохотала, курила и одновременно сплевывала под ноги семечки. Благодаря ярко освещенному экрану я быстро разглядел ее безумное лицо... Сначала я испугался, а затем мне стало любопытно и во мне пробудился к ней живой интерес...

О, как страстно и упоительно долго мы насиловали друг друга ночью под лестницей в подъезде... В момент оргазма

у меня сильно кружилась голова и я терял сознание...

И все же самым прекрасным в нашей мимолетной Любви было отсутствие разума...

Глупые и счастливые, мы уже сношались с ней где угодно, даже лежа в глубоких сугробах, в городском парке тихой ночью... Она ложилась на снег, широко распахивая свою кроличью шубу, я раскрывал свой овечий тулуп и падал на нее, и мы совокуплялись как полярные медведи, дыша чистым морозным воздухом и звездным небом, указующим наш путь... Мы были с нею счастливы как дети... Мы сношались сколько могли, много-много раз... Иногда мы всю ночь страстно дышали, едва успевая перевести дух... И снова погружались в булькающую атмосферу сладких проникновений...

Одним мгновением протянутым лишь в Вечность мы жили ночью, но та ночь уже прошла...

Рекорды ставили спортсмены, а мы оставили следы...

Беременность – веление природы, коварство с хитростью приносят нам плоды...

Плоды ведут уже к объединению, к рождению из нас одной семьи...

Она слезно просила меня жениться, иногда где-нибудь посередине улицы она бросалась в грязь, вставая передо мною на колени, и так горько, и громко плакала, что мне почему-то хотелось, чтобы этих слез было еще больше, ибо в это мгновенье мне казалось, что это будет бесспорным доказатель-

ством ее Любви...

Однажды я не выдержал и сказал ей: Ну, что же ты так тихо плачешь, дорогая?!

Тогда она вытащила неизвестно откуда маленький черный пистолет и выстрелила им в меня... Более полугода я пролежал в больнице... Мысль о том, что я поступил очень дурно со своей невестой ни на минуту не покидала меня... Действительно, какие доказательства могут быть у чувства, пусть даже и самой большой Любви, ведь чувства приходят и уходят, а на их место приходят другие чувства, и так без конца, пока ты живешь и пока не помрешь, ты можешь сто раз полюбить и еще сто раз возненавидеть кого угодно на свете! И каких я от нее требовал доказательств, если она и так валялась у меня в ногах?!

Чуть позже, уже на второй день, придя в сознание, я узнал, что против нее возбудили уголовное дело, обвиняя в покушении на мою жизнь... Бедная от страха она наглоталась таблеток, и если бы не вовремя подоспевшие врачи, она была бы уже на небесах, а так, она была со мной рядом, в соседней палате, и мы можем друг друга навещать...

Уже довольно часто я въезжал к ней в палату на своем инвалидном кресле и с радостным криком бросал ей в кровать букет алых роз, которые мне рано утром срезали в больничном парке сердобольные медсестры... В больнице все нас любили и желали нам счастья...

Только она постоянно плакала и просила у меня проще-

ния... И вообще молилась на меня как на Бога... Я же, как мог, успокаивал ее, говорил, что она еще найдет себе мужчину здоровее меня и намного лучше, и который не будет от нее требовать никаких дурацких доказательств любви, ибо ни у одного из живущих здесь на земле их нет...

А после того, как она пулей перебила мне позвоночник, я, увы, уже не могу удовлетворять ее как раньше, и вообще не могу, а поэтому и жить с ней не могу, ведь стыдно быть с виду мужчиной, а на самом деле вообще им не быть!

Бедная, в ответ на мои признания она утыкалась мне носом в подмышку и ревела как самое капризное дитя, дитятка, деточка моя родненькая...

Каждый божий день нас посещал следователь, этот человек с испитым, одутловатым и огненно красным лицом, горел беспощадным желанием, — во что бы то ни стало засадить мою несчастную невесту в тюрьму, дабы справедливость в его юридически принципиальных и дотошных глазах восторжествовала, но какая быть может справедливость, если я ее люблю?!

С большим трудом мне все же удалось убедить следователя, что виноват во всем произошедшем только я, поскольку без конца ее оскорблял, унижал, а временами даже насиловал.

В общем, следователь меня понял и больше не приходил, а потом людям всегда нужны какие-то деньги, ибо они, деньги довольно часто решают за нас великое множество самых

разных проблем!

Вскоре со мной случилось нечто выходящее за пределы серенькой обыденности, – совершенно неожиданно, и, будучи абсолютно в своем уме, я, даже не выходя из больницы, стал загребать и грести в свою сторону монолитные пачки денег... Через свой крошечный ноутбук я научился играть на товарной бирже, чему меня научил один умирающий от геммороя бывший уже на пенсии брокер. У меня стало получаться и мои доходы стали расти как на дрожжах.

Вскоре я наскреб деньги на сложную операцию и сделал ее в Германии, откуда приехал к своей возлюбленной уже здоровым как бык. Три дня и три ночи играли мы свадьбу на берегу Тихого океана, на Мальдивах, куда пришлось везти всю нашу родню....

Кстати, мы с моей дорогой женой остались там на всю жизнь, ибо ей нравилось купаться и загорать, а мне кормить с руки гигантских черепах... Мы жили прекрасной и счастливой жизнью, но жизнь эта прошла так быстро, что мы даже ничего толком не поняли...

Наше богатство быстро истаяло, мы стали больными, старыми и никому ненужными людьми... И часто вечерами, в тени пальм нас с моей несчастной спутницей жизни мучает ностальгия по России, мы наперебой вспоминаем наши совокупления на снегу на ее кроличьей шубе и плачем, давясь опостылевшими креветками и сардинами...

Мы с тоской вспоминаем наши русские пельмени, разно-

солы, холодную из морозильника водочку, которую впрочем, можем выпить и здесь в этой несусветной жаре... Но главное, что мы никак не можем понять, почему эта жизнь, которую мы прожили, не имела никакого смысла... Во всяком случае, получается так, что не имела, ибо все, даже то, что мы здесь натворили, прошло как-то быстро, и незаметно улетучилось как легкий от поленьев дымок, на котором мы только что жарили выловленных нами

креветок... Получается, что Бог уподобил нас креветкам, которых мы съели сейчас...

Он нас съедает без остатка, не оставляя ничего в этой пустой и насквозь продутой ветрами Вечности...

И поэтому все, что вы тоже здесь сделаете, также бесследно исчезнет как и наши следы на песке...

Спрашивается, для чего тогда я писал этот рассказ, этот рассказ я писал для того, чтобы вы тоже немного присмирели и о чем-нибудь глубоко задумались, глядя на звезды...

И только одно, пережитое нами когда то в оргазме доносит откуда то из темноты непонятно таинственный голос Вечного Смысла...

В безумии уже который день

В безумии уже который день...
сводя глаза к бескрайнему порыву...
я увлекаюсь тем... что не живу...
а лишь ищу такую глыбу...
чтоб на нее забраться и сидеть...
и думать только о высоком...
чтоб даже неприкаянная смерть
не смогла меня свалить скорбящим оком...
ведь пораженный мыслями на треть...
мне очень трудно пребывать в глубоком
прекрасном лоне девы... чтоб иметь...
взгляд о нашем Боге одиноком...
который умер и воскрес... заставив петь...
о райских кущах и таинственных дорогах...
колоколами зазвенев в тугую медь...
войти в незримое великого пророка...
и разорвать коварнейшую сеть...
в какую мы все пойманы жестоко...
и птицей по бескрайности лететь...
кусая всех голодным волком...
не зная вновь куда убогость деть...
никогда не ощущая в жизни толка...
пытаюсь Бога вместе с Тайною раздеть...
но в лоне девы мне совсем не плохо...

искать для задниц смертных божью клеть...
в рождение нового из старого порока...

Под одиноким фонарем

Сначала я захотел вырезать ножом на левой руке правой рукой четыре слова:

Я НЕНАВИЖУ ВЕСЬ МИР,

но тут же машинально ткнул себя лезвием ножа в локтевой сустав, и отдернул руку, облизав стекающую кровь, потому что ужаснулся тому, что какие то люди смогут притронуться своими грязными и потными руками до моей Тайны, и пусть они ее никогда не раскроют, но уже одна мысль, что они до нее дотронутся и запачкают своими звериными инстинктами, приводила меня в бешенство...

А потом я усталился в экран телевизора. Диктор как заведенная кукла в своем механическом словоговорении раскрывала и открывала рот, но я ничего не слышал, весь мир проплывал мимо меня, но он мне и не был нужен... Я только удивлялся тому, что люди живут тоже как заведенные невидимым Творцом куклы, добывая и заполняя все окружающее их пространство бессмысленной информацией... Но главным было не это, а боль, которая резала меня по живому... Внутри все раскалялось и кровь как вулканическая лава неслась по всему телу, проходя сквозь органы едва умопостигаемым действием самоуничтожения... Все мое сознание, чувства, все стремилось к самоуничтожению... Я ненавидел весь мир за то, что он отнял у меня Ее, и ненавидел

себя за то, что не сберег Ее... За то, что Ее Светлый Образ больше никогда не войдет в меня живыми лучами глаз, и за то, что Ее добрая улыбка никогда не вымолвит для меня нежного слова, и за то, что мы никогда не возьмемся за руки и не пройдемся вместе по тихому сельскому кладбищу, где в шепоте березовой летней листвы нам слышалось пение мертвых... Их образы в ряд до бесконечности тянущиеся рядами между берез звали нас с нею в Неведомое, и мы шли с ней, два маленьких ребенка, и она мне улыбалась, отражая собою солнце, его свет и доброту...

Всякий день мы влюблялись друг в друга как взрослые, пока мы были вместе, в ее селе, куда я приезжал к бабушке с бабушкой...

Мы плавали с ней, как две веселых рыбки в водах тенистого и прохладного пруда, где старенький рыбак мудрой улыбкой разглядывал наши детские забавы... А потом мы играли в пап и мам, я ловил маленьких зеленых кузнечиков, а она готовила для нас суп из травы... Порой желая уподобиться французам, мы жарили лягушек на костре и ели их, смеясь волшебной летней пелене, окутывающей цепь наших сплетенных вместе детских чувств и грез... Мы выросли друг возле друга, ощущая тепло взаимных прикосновений... Мы целовались с ней жеманно как актеры...

Мы любили друг друга таинственно и нежно, как никто и никогда не любил из живших прежде... Мы это ощущали неожиданно каким-то седьмым необъяснимым чувством...

Мы были с ней выше всего земного, просто от одной нашей встречи мы мгновенно взлетали в небеса и летали над всеми как птицы... Мы неустанно кружились над маленькими домиками с ровными квадратами накопанных грядок, над старой полуразрушенной церковью, над широким прудом, над сельским кладбищем, над сельской пыльной площадью с проезжающими тракторами и машинами, над лесом и рекой, над полем и цветами, выделяющими цвет и аромат нашей волшебной любви... Так через каждый миг прожитой нами встречи мы разгорались вместе с чувствами в костер... Пылая мыслями о радостном грядущем, мы незаметно друг для друга удалялись в своим безмолвные и темные миры...

Жизнь развела нас жестоким пунктиром необходимости жить для других, завися от них в силу Вечного разума, творящего логику всех земных судеб путем постоянного деления на клетки и размножения всех путем их же умерщвления...

Жизнь или Бог сделал меня безумным философом, – разве кто-нибудь сможет ответить на этот бессмысленный вопрос... А мне вдруг жутко захотелось зарыться в этих бессмысленных вопросах, чтобы найти не ответ, а хоть какой-нибудь Смысл, ради которого я был бы здесь до самого конца, оставаясь с Вечной Тайной неизвестным...

Березы шумели как грустные подруги возле Ее могилы... Она лежала возле пруда, а в губах у нее нежно трепетала маленькая травинка, она смеялась грудным звонким смехом,

а потом глубоко забросил в меня свои голубые глаза, серьезно и одновременно с какой-то лукавой смешинкой, рассматривала мое лицо, т. е. отражение себя в нем...

— Ты любишь Лермонтова? — спросила она.

— Я читал его, он мне нравится, только он очень одинокий и печальный в своих стихах.

— Моей маме очень нравится Лермонтов, и она часто читает его, особенно вот это, —

Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались...
Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью,
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье,
Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.

С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я проснулся...

Она глубоко вздохнула, прижавшись ко мне...

– Очень мрачно, – прошептал я.

– Зато глубоко и осмысленно, – грустно улыбнулась она,
и взявшись за руки, мы пошли на кладбище, утопавшее в те-
ни больших старых берез...

Сейчас берез было мало на кладбище, а могил стало мно-
го...

Люди умирали и умирали, а деревья им словно освобож-
дали место, исчезая, растворяясь в Никуда...

Господи, мы с ней мечтали о том, что всегда будем вместе,
но жизнь нас разлучила навеки... Получалось так, что она
читала стихи о нас, о моей безутешной печали по ней...

Как все это было, почему все смешалось в бессмысленную
путаницу судеб, где люди запутавшись в земной суете, отре-
кались от собственных чувств?!

Сначала женился я, потом вышла замуж она...

Я сделал ей предложение, но она отказалась... Почему она
меня просила подождать, неужели она не понимала, что я
не могу ждать, что я хочу все и сразу... Я потерял ее по соб-
ственной вине...

Мы целовались недолго в качающемся свете зимнего фонаря, совсем неподалеку от ее дома, в сильной метели, с ветрами и снегами, мы целовались, как прощаясь навсегда...

Мы жили очень далеко друг от друга... Я не мог приезжать к ней постоянно...

Ее село было таким далеким и глухим, и таким грустным, и заброшенным, что Вечность из него виделась отчетливо и ярко, и в людях постоянно возникала глубокая тоска...

Она спилась и умерла от воспаления легких... Закончив пединститут, и выйдя замуж за простого работягу, который быстро спился, и родив от него ребенка, она поняла, кого она тогда потеряла, она потеряла меня и ей было очень и очень больно... Она плакала и в жизни и в письмах, которые посылала мне как крик о помощи... Но я был далеко, у меня была уже семья, жена и дочь, и я жил с ними, как и она, жила сначала с мужем и дочкой, а потом одна с дочкой...

Так тихо и незаметно безумное одиночество постепенно обкрадывало ее жизнь и разрушало все ее надежды... Мой образ был очень светлым и легко осязаемым... И именно она умерла с моим именем на губах... О ее смерти я узнал спустя четыре года, когда приехал спустя много лет навестить могилку бабушки с бабушкой, и навестить ее, но живую...

Я думал, как мы встретимся, и сразу же по родному обнимемся как в детстве, и вместе пойдем, взявшись за руки, на кладбище... И вот она уже сама лежит здесь, среди других, и у меня по глазам текут слезы, а я думаю о ней и рас-

творяюсь в Ее Светлом Образе... Я плачу, держа холодные прутья ее ограды и думаю, что жизнь, как и сам Творец нашей жизни, несправедлив к нам, что мы жертвы того самообмана, который образует сама жизнь, те самые вечные правила, которых мы не в силах изменить...

Овал ее прекрасного лица в овале траурного фото на мраморной плите в глазах дрожал вместе со слезами, искажающими до неузнаваемости весь мир...

Она не могла даже затопить печку и ей нечем было топить... Она жила как пещерный человек... Она превратилась в животное, страдая и тоскуя по мне как по несостоявшейся нашей любви... Она напивалась, чтобы не думать о потерянных ею годах... И я плачу, хватаясь за холодные прутья, как за ее живые руки... Я ощущаю тепло ее тела, будто оно выходит волнами из сырой земли, окутывая меня своими безбрежными снами...

Она не могла или не хотела меня по-настоящему полюбить?! Или она меня полюбила, но с явным опозданием, когда я устал ждать?! Или я и не ждал вовсе, а просто взял и проверил ее Любовь, сделал ей предложение, а она отказалась, отказалась выйти замуж и ладно...

Другую найду! Вот и нашел ее, другую вместе с твоей смертью!

Три дня я пил водку в сельской гостинице... Продавленный, изъеденный молью и запачканный клещами и половой жизнью людей, кроватный полосатый матрас хищно выгля-

дывал из под грязной простыне, говоря мне о вечном разложении нашего народа, государства и нашего странного Космоса...

Чудом выживший здесь и знавший меня с детства Степан, пил со мной не чокаясь, мы пили с ним за нашу покойницу, за нашу Светку... Мне она была любовью, ему просто соседкой, которую он когда то зажимал и щупал в темноте сельского клуба на танцах...

– Кашляла, как чахоточная, – с досадой покачал головой Степан... Весь седой и морщинистый, он в свои сорок лет напоминал умирающего старика... Та же вечная тоска и бессмысленность, с какой темные силы Вселенной бросили этот народ вымирать посреди среднерусской равнины, выражались в нем странной простотой, с какой он рассуждал о живых и мертвых...

– Загнулась как рябинка под упавшим дубом, – вздохнул Степан и даже прослезился.

– Ты говоришь, у нее осталась дочь?! – спросил я.

– Ну, вылитая копия Светки, – кивнул Степан, – будто сама от себя родила, как инфузория туфелька, бя!

– Степан, а для чего ты живешь?!

– А х**, его знает! – Степан глядел на меня совершенно бесцветными глазами. Казалось, скажи ему, – убей человека, и он убьет, лишь бы налили. стакан в его здоровенном кулаке выглядел неправдоподобной маленькой букашкой... Словно угадывая мои мысли, он раздавил его, как да-

вят ненужное насекомое, которое пытается насосаться твоей крови...

– А мой то Колька у нее учился, по литературе одни пятерки получал. Я спросил Светку, ты ему чё, по блату, что ли ставишь?! Нет, говорит, сам молодец, старается, любит, говорит, литературу как мать родную!

– А почему она спилась?!

– Дык, у нас тут все рано или поздно спиваются!

– Ну, прямо так и все?!

– Ну, может и не все, но многие, – Степан искал не только для нее, но и для себя какого-то внутреннего оправдания, но вместо оправдания видел только хмурое небо за окном.

– Вон, бля, и погода и не радует! Вроде и лета совсем нет, одни дожди, как зарядють,

так сразу же водки захочется для сугреву!

– Степан, а ты веришь в загробную жизнь?!

– Что, я, – ебнутый, что ли?! – засмеялся Степан. Сквозь его местами беззубый и прогнивший рот на меня смотрела она, зияющая черная бездна, а в ней светилась улыбкой она, – милая и волшебная Светка, в пасти безумного зверя, она потерялась с мечтами...

– Наливай еще! – скомандовал я, крепко сжимая железную спинку кровати, такую же холодную как прутья ее могильной ограды... И где они теперь ее живые и нежные руки?

– А ты, значит, развелся?! – задумался Степан.

– Было дело, – вздохнул я.

– Моя, вон тоже, со мной развелась! Денег, видишь ли, нет! Да где их у нас в совхозе заработать то на х**. Директора меняются как карты в колоде, сегодня один, завтра другой, и все воруют, воруют! И хуй, кого бы посадили! Всю Рассею надо сажать!

– Да, ты же сам не работаешь и пьешь, – заметил я.

– А на кого пахать то, на папу Карлу?!

– Ну, хотя бы на свою семью!

– Я им не нужен, – обиженно вздохнул Степан.

– Может потому и не нужен, что пьешь и не работаешь?!

– Слушай, я работаю, просто пью частенько, поэтому и копейки нет за душой! Ну, приболел я, понимаешь, тоска меня заела, за сердце взяла, взяла, да и не отпускает, сволочь! – Степан на мгновение сделался злым и красным, но затем быстро размяк после следующего стакана и запел.

– Из-за острова настрень, на простор речной волны,
Выплывали расписные, Стеньки Разина челны!

– Степан, ради Бога, прекрати петь, Светка умерла, мы ж ее поминаем, – рассердился я.

– Дык, она давно уж померла-то, – удивился Степан.

– А для меня она сейчас померла, понимаешь, – я попытался взять его за плечи и хорошенько встряхнуть, но эту громаду было мне не под силу одолеть.

– Да, ладно, извини, – махнул рукой Степан, – забылся маленько, б*я буду, забылся! – он даже постучал кулаком в грудь, и мы снова разлили по стаканам водку.

– А ты веришь в загробную жизнь?! – спросила меня она.

– Верю, – шепнул я, ощущая в своей руке ее теплую ладошку.

– И я верю, – улыбнулась она и зашептала нараспев стихи, —

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей,
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

– А чьи это стихи?!

– Это Михаил Лермонтов, – улыбнулась она и разворошила на мне мои кудри, зарылась в них как в сено, в траву и разворошила, и привстав на цыпочки, прижавшись носом к ним и вдохнула.

– И чем пахнет?

– Тобой, – радостно возбужденная она светилась как вечное солнце, и наполняя мою душу любовью, она дарила эту нежность навсегда, на века, и на года...

– А чем пахну я? – она склонилась передо мной.

– Ты пахнешь весной!

– А я родилась первого января! Представляешь, моя жизнь началась сразу с первого дня моего первого в жизни года?!

– Представляю, – я смотрел на нее весь зачарованный ее красотой и не мог шевельнуться.

– Ты, что застыл как изваяние?! – засмеялась она.

– Я просто тобой поражен, – смутился я, – поражен в самое сердце!

– А я тебе не верю, – засмеялась она и побежала.

Было странно бежать между кладбищенских оград и радоваться жизни вместе с лучами солнечного света пробивающегося наружу сквозь березовую листву... Дети, влюбленные друг в друга, мы не могли верить в холод нарождающейся Смерти... Мы были выше всего этого мизерного, земного и ущербного, что окружало нас... Мы ловили вместе с бегом

дыхание ветра

и мечтательно целовали облака в небе, плывущие над нами сказочными существами, живыми, далекими и загадочными... Мы сливались с ними и тоже плыли над землей... А травы прикасаясь к нам, никак не могли оторваться от наших юных и разгоряченных тел... Все живое просилось к нам в душу от старушки молящейся возле церкви и продавщицы киоска, где мы покупали веселые значки в виде железных кружочков с нарисованными на них мордочками зверей до старенького рыбака, сидящего возле тенистого пруда с удочкой и привычной бутылкой пива...

Жизнь проносилась невероятно быстро весело и светло, а мы... мы незаметно выросли и отучались от этого необыкновенного мира, который еще вчера нашли друг в друге... Наша жизнь нам казалась обманчиво беспредельной как звездное небо над головой...

Ночь... Я опять иду к ней на могилу...

– И чего тебе там делать, – вздохнул Степан. Все-таки он не был человеком, он был большим диким и мохнатым зверем, которого волновали только звериные инстинкты... Земля отплевывалась от Вечности такими же жалкими и безысходными людьми, как она сама, лишь на одно мгновение выделяя из себя Светлый Образ моей возлюбленной...

Я любил Ее уже тогда, когда Ее не стало... Я опять держал в темноте холодные прутья ее кладбищенской ограды, ощущая волшебное прикосновение ее нежных рук...

– Я не хочу жить! – заорал я в небо и погрозил в небо кулаком своему невидимому Творцу, а он взял и бросил меня лицом на ограду... А я разбитым лицом улыбнулся сквозь слезы и опять погрузился в неведомое молчание... В сою память...

– Я буду тоже поступать в институт, – сказала она.

– И поэтому ты не хочешь выйти за меня замуж?!

– Я не знаю! – вздохнула она.

Злые языки донесли до меня, что она с кем-то встречалась, с каким-то парнем, которого звали Саша, и чей отец работал начальником местной милиции... Я хотел ей сказать об этом, но промолчал, я боялся Ее потерять... Я верил тому, что рано или поздно она полюбит меня и мы будем счастливы...

– Тут за мной ходит один, – сказала она, покусывая верхнюю губу, – но я его к себе близко не подпускаю! Я часто думаю о тебе!

– Думаешь, и не хочешь выходить за меня, – горько усмехнулся я.

– А потому и не хочу, что думаю!

О, Боже, если б я только знал, что те же злые языки говорят ей то же самое и обо мне, и она тоже недоверчиво смотрит на меня и молчит, окутанные чужой завистью и злобой, мы постепенно теряем друг друга и наши пальцы расплетаются, и скамейка под нами скрипит рассерженной птицей, и пусть луна уже блестит как копейка, но взрослые люди уже

зовут нас в созданные ими тюрьмы, дома и семьи, где также часто любят, как обманывают, и радуются чужой боли как свихнувшемуся от безудержной лжи разуму, которым болен всякий, заполучивший жизнь здесь, а не на Марсе...

– Мне, кажется, что ты мне не веришь, – с тревогой прошептала она, закутавшись в пуховый платок.

– Можно подумать, что ты мне веришь?!

– А я думала, что ты меня любишь!

– Я тоже так думал, – грустно вздохнул я и прижался к ней щекой. В ее висках далеким гулом отзывалась боль юного сердца, а я уже думал и знал, что к ней никогда не вернусь.

Так обманутые друг другом и людьми, мы неспешно зарывались во взрослую жизнь, ощущая призрачность любых надежд, наперебой твердящих нам о могуществе счастья...

Мы ни во что с ней уже не верили, и в этом была наша абсолютная безнадежность...

– Почему ты не смотришь мне в глаза, – ее голос дрогнул, и сама она изменилась в лице, словно страшная догадка прокралась ей в сердце, и теперь она с ужасом разглядывала ее.

– Это совсем не то, о чем ты думаешь, – я тоже ответил ей дрогнувшим голосом.

Еще бы немного и я заплакал, так не хотелось мне ее терять, но и оставаться возле ее вопрошающего взгляда было нестерпимо больно. А действительно, кто лучше, я или он?!

И языки, и пальцы, и руки, – все онемело в этой холодной метели под одиноким фонарем на нашей старой забро-

шенной улице, где ее односельчане уже доживали свой век... Как же он короток этот век... От любого мига или вскрика оборвется, оборвется раз и навсегда!

– Я не хочу жить, – сказал я.

– Да я, бля, тоже не очень то и хочу здесь все время ошиваться, – улыбнулся беззубым ртом Степан, – и опять ее улыбка в черной бездне откровенно разложившегося рта...

– Что опять к Светке на кладбище?! – сочувственно спросил Степан.

– К ней, к моей ненаглядной, – грустно улыбнулся я и пошел, молча сглатывая слезы... Соленые, они как кровь моего бьющегося сердца, пытались вырвать меня из жизни, закружить в безумном потоке смутного хаоса и унести назад к светящейся волшебными снами Светке...

И опять я под одиноким фонарем... Теперь этим одиноким фонарем стала для меня большая луна, в которой расплывалась моя огромная и беззащитная улыбка...

– Еще чуть-чуть и я уйду к тебе!...

– Дурак, живи еще сто лет!

– Сто лет я никогда не проживу,

Но путь к Тебе я обязательно найду!...

Невероятно, – зная о Вселенной все

Невероятно, – зная о Вселенной все,
Я в жизни даже часа не исправлю,
Чтоб укротить безумие свое,
По сути, разум мой сознанием расплавлен
И я не вправе изменить уже ничто...

Существование в клетке держит зверя,
А если Бог и сам живет как зверь,
То я и сам себе уже не верю,
Ведь для меня всегда закрыта дверь...

Да, я ее открыл другим ключом,
Я стал хитрее Сатаны и даже Бога,
И всем могу сказать, – мы не умрем,
Мы все вернемся в мир волшебною дорогой
И этот мир еще сто раз перевернем...

А впрочем, он для нас хамелеон, —
Он изменяет облик постоянно,
Но в нем царит неписанный закон —
Наш разум оградить от Вечной Тайны,
Чтоб не нанести живым урон...

Так, зная день и час, когда умру,
Я смысл теряю в этом кратком мире,
А сознавая, что в другой уйду,
Хочу здесь задержаться, хоть в могиле,
Проникновенье сладостно в дыру...

Нет выхода, – везде один обман,
Мы изнываем в тьме существования,
Ниспровергающий наш разум океан
Нам раскрывает области познания,
Чтоб мы опять сошли с ума от Вечной Тайны...

Вечная тайна

Мужчина раздираемый когтями красивой женщины приходил ко мне как привидение из моего же мрачного прошлого... Он словно догадывался, что у нас с ним один Бог и одна на двоих Вечная Тайна, прикоснувшись к живым воплощениям которой можно сходить с ума, а можно хохотать до слез... Иные люди как падшие ангелы приходили оплакивать нас...

Главное, что у этого пространства не было стен кроме одной темноты, но все почему-то боялись от незнания вступить в нее...

Я же быстро нашел тревожную жизненность, проистекающую из лона любых печальных зверей, а поэтому готов был пропасть в каком угодно логове и отведать какого бы ни было зверя...

Я рыскал в поисках жертвы, хотя жертвою был сам... Осознание приходит с опозданием на целую жизнь или большую ее, уже прожитую часть... Там на дне третьего тысячелетия, внутри райского сада, где мое растение уже полвека скидывало свою красную головку вверх, а безумные зверьки утыкались несчастными мордами в мои чресла... А сверху лилась умопомрачительно грустная музыка... Кто-то, кто выходя из Вечной Тайны, нашептывал мне средство Макрополуса, средство Бессмертия... Эта горькая микстура, со-

ставленная несколько веков тому назад, должна была спасти не одно поколение страждущих Бессмертия людей...

Проглотив несколько капель, я вдруг понял, что мое бессмертное существование также бессмысленно, как и смертное, потому что если даже куда-то все время идти, то это не выход...

Дорога не имеющая конца пугает еще больше своей монотонностью...

Эпохи и правительства уходили вместе с обманутыми народами... Неизвестной массой, скоплением многократно повторяющихся чисел... Там была и карма – духовное прикосновение всякого сумасшедшего ясновидца, чьи слова как отравленный мед, ублаживают своими ароматом и тут же убивают всякую мысль о спасении... Спасения нет, ибо среди нас спастись некого... Те, кто был спасен еще недавно, опять умудрились как-то внезапно погибнуть... Исчезнуть без следа... Через мгновение их могилы зарастают бурьяном... Еще через мгновение их никто не помнит... Они живы всего лишь мгновение, чтоб проорать в небо свою очевидную пропащность...

Лишь в лабиринтах религиозного экстаза, где-то там, в тайных и наглухо закрытых сектах эти несчастные глупцы все еще пытаются верить в ослепительное сияние чей-то ухмыляющейся рожи... И везде символ бессмертного превосходства одних людей над другими... И во имя чего...

Во имя того, что никогда не будет и также бесследно рас-

тает в темной пропасти Вечной Тайны... Вселенная как женщина тянет всех в свою глубину... Дети играющие многие столетия в прятки с Неведомым, чья Вечная Тайна принижает своей постоянной неуязвимостью...

От бессмертных до нас доносятся лишь обрывки фраз... Едущий сквозь пространства созданный нами по обрывкам фраз авто-мо-биль имеет свое ужасно нахальное достоинство быть тем, чего никогда не было и не будет... Глаза устремленные в небеса падают израненными птичками... Кровь с них омывает корни трав и деревьев, изожженных безрадостным человечеством... Ау, дети, куда вы, вы ведь никогда не вернетесь назад и не спрячетесь обратно под животом своей доброй мамы и не попьете из ее нежных грудей молока...

Мы все здесь прячемся навечно... Мы все бредем по этой неведомой и бесконечной дороге... Пейзаж как холст покрывается земной краской, но краска эта в небе исчезает...

Вечной Тайной делает тебя разум... Разум делает Вселенная... Вселенную Невидимый Создатель... И может поэтому ты промолчишь, когда надо будет кричать, чтобы даже в самую последнюю минуту, в мгновение жизни осмыслить Прожитое... Люди имеют обыкновение сваливать все на Судьбу... И только одни философы имеют мужество бросаться в Пасть Неизвестности, спокойно подглядывая за Неведомым, который всех нас из жалости делает бессмертными... Тайна... Вечная Тайна... И сказать что-то после бессмыс-

ленно...

Получается, что даже и в Бессмертии Тайна остается Тайной...

Твое лоно как нежная птица

Твое лоно как нежная птица
Поднимает меня в глубь небес,
Я хочу в нем младенцем родиться,
Я б в тебе бы навеки исчез...

Создавая из нас снова лица
И веков расцветающий лес,
Счастье в том, что я просто влюбился
В красоту твоих ласковых мест...

Мысль баюкает взглядом страницу,
В тебе тайна волшебная есть,
Твое лоно как нежная птица
В мою душу несет божью весть...

Очищение

Весь иссохший, с бледно мертвенным цветом кожи, и седой как лунь, дед и был сторожем морга... Я пришел, чтобы взглянуть на нее, на мою погибшую девчонку...

Сторожу вполне хватило 200 рублей... Он тут же побежал за водкой, предварительно закрыв меня одного... Со странным ощущением неподдельного страха, весь одурманенный ощущением ее Смерти, я прошел в анатомический зал... Там лежали в основном уже разделанные трупы... Невероятной толщины тетка, вся разрезанная и зашитая от детородного отверстия и до самого горла глядела мне прямо в глаза как ужас разорвавшейся Вселенной...

Моя любовь лежала нетронутой... Смерть уже слегка придала прекрасной белизне ее тела страшный фиолетовый оттенок... А она ведь и в самом деле была никем не тронута, даже мной, ведь мы только целовались и все... Целовались нежно, проникновенно, а вокруг нас шумели радостно деревья и птицы пели, и солнце светило, и в ее огромных глазах его лучи отражались и плыли обратно из темноты ее загадочных зрачков... Неужели там, на том свете она несчастна от того, что так и не познала мужчины, то есть меня?!... Мертвые говорят с нами одним молчанием...

Опухший и небритый алкоголик лежащий рядом с ней, с моей любовью, уже одним своим видом осквернял ее юное

и невинное тело... Я заплакал... Ангел и дьявол лежали рядом и одинаково разлагались, подчеркивая собой ту самую бессмысленность, с какой мы проживаем свои жизни... Вскоре пришел сторож и мы сели у него в кабинете пить водку...

Вообще-то это помещение было трудно назвать кабинетом, скорее всего это был какой-то чулан, куда раньше складывали белье от покойников, а теперь его милостливо отдали сторожу...

Без окон, с тремя стенами и одной дверью, размером 2х2 метра, эта комнатуха все же располагала к вдумчивому проживанию всякого смысла...

И тут же в подтверждение моих мыслей сторож одним махом выпивший полбутылки, вдруг начал цитировать Марка Аврелия...

– Жизнь коротка! – кричал пьяный сторож, тыча указательным пальцем в потолок вместо неба, – а поэтому не прозевай самого драгоценного ее плода, – доброго дела ко благу людей!

– А вы думаете, что люди очень нуждаются в каком-то благе, – горько усмехнулся я, – скорее всего они нуждаются в хорошей порке! Только пороть их, увы, здесь некому!

– Эх, молодой человек, – глубоко вздохнул сторож, наливая себе новый стакан водки, – душа человеческая не добровольно, а силой отвращается от правды, умеренности, справедливости и добра! И чем яснее ты это уразумеешь, тем

кротче и терпимее будешь относиться к людям! Это, конечно, сказал не я, до этого Марк Аврелий додумался, но я с ним полностью согласен! А поэтому и твержу его мысли как свои! Ты можешь вполне разумно негодовать, на все человечество за его пороки, на кого угодно за его грехи! Это твое дело! Но скажи мне старику, чем перед тобой виноват я, почему мое соседство тебе так противно?!

Мне стало стыдно и горько, и чтобы не показывать сторожу свои слезы, я опять вышел в анатомический зал, и опять загляделся на нее, на свою прекрасную девчонку... Ее глаза были закрыты, как будто она уснула, уснула для того, чтобы когда-нибудь проснуться, но не здесь, а где-то уже там, за небесной далью, за божественной высью она проснется, чтобы снова жить...

Она все еще лежала рядом с безобразным алкоголиком, и почему-то впервые за все это время я испытал к ним одинаковую жалость, жалость, какую дал мне Господь, и какую в мое сердце своими устами вложил Марк Аврелий вместе с пьяным сторожем...

Вечером я вошел в церковь и купил две свечи, и поставил их у святого распятия, и помолился и за свою любимую и за рядом лежащего с ней алкоголика...

И любовался светом-пламенем свечей и плакал, и плакал, радуясь тому, что я могу так искренно отдавать свою печаль всем жившим прежде до меня и со мной людям...

И было чисто в душе как в небе после дождя... Так Смерть

твоя дала мне очищение, чтоб я везде мог чувствовать тебя...

Жаркий полдень, сон из детства

Жаркий полдень, сон из детства,
Среди голых баб брожу,
Гулко барабанит сердце,
Удивляясь миражу...

В женской бане оказался
С милой бабушкой своей,
А потом весь день смеялся,
Ощущая их елей...

За обедом дед сурово
Разглядел мой страстный пыл
И одним мужицким словом
Ездить к бабам запретил...

Воспротивился я деду,
В сладких грезах заорал,
Что с ним в баню не поеду,
Бабский дух мне ближе стал...

Заревел дед страшным зверем,
Кинул валенок в меня,
Тотчас скрылся я за дверью,
Мигом прыгнув за дрова...

И до вечера зайчонком
За поленницей дрожал,
Бабушка пришла с иконкой,
Ты прости его дитя...

Вот ведь дура, не узрела,
Как ты быстро повзрослел,
Еще рано тебе к телу,
Ходи с дедушкой пострел...

Спят давно мои родные,
На могилке тишина,
Только их слова живые
Еще трогают меня...

Младенец

Мы познакомились с ней в результате неожиданного и резкого торможения автобуса, в котором ехали... Из-за чего между нами сначала произошло чарующее столкновение, а затем быстрое падение вниз... Я упал на нее как мужчина на женщину, то есть животом на живот, членом на лоно, и я так странно прочувствовал ее, и между нами сразу же что-то произошло... вспыхнуло... и задрожало...

Вообще на свете нет прекраснее зрелища чем мужчина лежащий на женщине...

Она лежала подо мной всего одну минуту, но и этого было достаточно, чтобы я ощутил, что происходит внутри нее... Она дрожала подо мной как пойманная птичка, а ее глаза при этом были округлены до ужаса, говоря мне, что я сошел с ума, хотя я упал на нее не умышленно, а от резкого толчка автобуса... А потом между нами возникла какая-то неловкость... Мы смущенно улыбнулись друг другу под смех и шуточки остальных пассажиров... Кажется, она хотела выйти из автобуса, но боялась, что я могу остаться в нем и уехать, и потеряться навсегда... И самое интересное, что я боялся того же самого... И пусть я уже давно должен был быть на своей работе, я ехал с ней как идиот, думая только об одном, что я скажу ей, когда она выйдет из него...

И еще я считал удары собственного сердца... Мы посыла-

ли друг другу в толпе невидимые звуки и сигналы, говорящие об одном, что мы хотели связаться, сблизиться, соединиться, раствориться... Пальцами мы одинаково теребили, трогали железные прутья сидений, ногами меняли положение своих возбужденным взаимным переглядыванием тел... Иногда появлялась смешная мысль, что мы одинаково страдаем мочевыми позывами, но эта мысль быстро исчезла от ее горящего, испепеляющего меня взгляда... Да, мало ли что я думал в тот день...

Да, я был пьян от нахлынувших на меня ощущений, от ее прекрасной и воспламеняющей меня близости... Я плавал в облаке ее небесного возникновения...

Ее звали Стелла и она была ****ь... Она сильно красилась, чтобы побыстрее извлечь деньги из богатых клиентов и еще она постоянно носила с собой 50 пачек презервативов с ароматом клубники, чтобы ей было легче выносить тяготы интимной жизни... В общем, я ошибся, глупо влюбившись в развратную и порочную женщину...

Она коснулась меня своим звериным ароматом возбужденной жарким июльским днем плоти... Я как замороженный разглядывал ее длинные обнаженные ноги... И поэтому, когда она спросила меня, – куда я еду, я еще долго молчал, пытаюсь найти необходимые для ответа слова... Наконец, я ей ответил, что не знаю, куда я еду, потому что еду с ней, то есть за ней, в общем, я запутался в глаголах и местоимениях, чему она весело рассмеялась и взяв меня за руку, вышла

со мной из автобуса...

Это был пригород, домов здесь не было, а был только небольшой дачный поселок... За автобусной остановкой, мы зашли в густые заросли березовой рощи...

А потом она лукаво улыбнулась и спросила, – есть ли у меня деньги...

А я сказал, – а при чем здесь деньги, если это любовь...

Тогда она засмеялась и сказала, что без денег очень трудно, почти невозможно кого-то полюбить... Я пропустил ее слова мимо ушей, я их совершенно не слышал, очарованный ее красотой... А потом я взял ее за руку и сказал, что в детстве часто ходил с одной девочкой, взяв ее за руку... Она засмеялась и сказала, что она не девочка... Тогда кто же ты? – удивился я... И она еще громче засмеялась...

Я ее не понимал, но был очарован ею до безумия...

Я нарвал ей букет ромашек, но она их почему-то выбросила, сказав, что это ни к чему... Что ей нужны деньги...

– У тебя проблема? – спросил я. – Да, проблема! – ответила она и я дал ей денег... А после этого она сразу же стала раздеваться, прямо в кустах орешника...

– Неужели ты тоже влюбилась в меня?! – Ага, тоже, – засмеялась она.

Я почти не сопротивлялся, к тому же я сам хотел этого... Я овладел ей как сказкой, я проник в нее как в Вечность, и даже потом от счастья уснул, но она быстро разбудила меня и сказала, что ей надо уже уезжать... А у автобуса она протя-

нула мне руку на прощанье... – А разве я с тобой не еду?! – удивился я.

– Нет, не едешь!

– А, как же наша Любовь?! – спросил я, но она опять засмеялась...

Она смеялась так страшно и дико, что у меня от горя стали вытекать из глаз крупные слезы, а я глотал их, как дурак, но ничего не мог с собой поделать, а когда она уехала, сел на лавку на остановке и обхватил руками голову и яростно ее сжимал до тех пор, пока у меня из носа не потекла кровь... Вот тогда я встал и впервые почувствовал себя человеком... Чистым, свободным, как родившийся только что младенец...

Жаркий полдень, сон из детства 2

Жаркий полдень, сон из детства,
Звук печальных похорон,
Весь из медных труб оркестра
И прозрачный небосклон...

Я иду с одной девчонкой
Поскорее за кусты,
Чтоб взглянуть под юбчонкой
В мир безумной красоты...

Чтобы всю ее потрогать
И немного помечтать,
Как в грядущем злая похоть
Будет нами обладать...

С любопытством всю исщупав
И безжалостно раздев,
Целовался будто с трупом
С самой сладкою из дев...

Дав списать ей из тетради
Всю контрольную свою,
Я глядел, как дядя гладит
Тетю бросив на траву...

Ожидая повзросления,
Я у призрачной черты
Сквозь волнующее зренье
Проникал в огонь мечты...

Азбука любви

В безумной горячке бесстыдной страсти и ненасытного желания мы прокувыркались с любимой четверть часа... Потом целый час лежали и ничего не делали... В общем, мы устали проникать друг в друга и теперь осмысливали произошедшее...

Еще через час моя рука сама собой потянулась к пульту телевизора, но любимая ударила меня по руке и я всхлипнул... Как мужчину меня ничего долго не волновало, зато какая-то неизвестная науке сила все время тянула меня сублимировать в Вечность... Наконец милая сжалилась надо мной и дала мне повертеть кубик Рубика... Часа два я вертел кубик Рубика, а моя ненаглядная осмысливала и переживала всю фантастику пережитого ею в оргазме...

Получалось так, что дав друг другу все необходимое, мы уже были не нужны друг другу...

Эта мысль так неожиданно поразила меня, что я глубоко-преглубоко вздохнул, и даже расчувствовавшись тихо проплакал незаметно для нее, кажется, полчаса, ну, а потом, снова и снова погружался в нее...

Как молодым и не слишком изношенным жизнью людям, нам постоянно надо было сношаться, сношаться, переворачиваться, и снова трахаться и трахаться...

Мы поглощались и поглощались собою до конца, хотя ис-

тинного конца в этом не было...

Почему-то нас всегда мучила потребность доказать, что мы необходимы друг другу...

Однако необходимость такого доказывания лишала нас остроты чувств, и, прежде всего самого интимного восприятия...

И мы снова и снова лежали обездвиженные друг другом, и совсем ничего не понимали, ни что происходит с нами, ни где мы находимся... Вот так и начиналась наша безрассудная Азбука Любви, восхитительная закладка наших звериных инстинктов, где первой буквой этой Азбуки устремлялась в меня она, а второй – в нее я...

И поскольку нас постоянно тянуло сложиться в какое-нибудь умопомрачительное звучание, и, воспарив в небе от ощущения в себе стабильно производимых и трахающихся с любовью зверьков, и растущих в них от этого божественных крылышек, мы, уже озвучив себя до самой точки, и почувствовав, что в этой точке нас никогда уже после не будет, мы, ошавев и озверев в этой звериной азбуке этой звериной Любви, растянув свои ощущения до бесконечности, и еще чуть-чуть полетав для разнообразия в небе, которого тоже после не будет, мы все-таки взорвались таким сладким и таким восхитительно чувственным восприятием, какого действительно никогда уже не будет, ибо страх Смерти дал возможность вылиться Любви в самое заоблачное состояние, которого и поныне нет и никогда не будет ни для тех,

кто случайно, ни для тех, кто по необходимости, ибо необходимость сношаться была, есть и будет...

Вот и моя сладкая потерла-потерла свой носик и сказала: Я тебя люблю!

Ибо у любого из нас есть потребность что-то потирать в себе и на себе, когда хочется, особенно очень и очень – согнать этой реальности...

Девы в блаженстве цветений

Девы в блаженстве цветений
С мужчинами сладких ночей,
Чаща волшебных мгновений,
Хмель окрыленных очей...

Как расцветали вначале,
Любовь несли на губах
И пели о вечной печали,
О неведомых сердцу мирах...

А сами давно уж в могилах,
То есть их брошенный прах,
Влюбляюсь с неистовой силой,
Деву целую впотьмах...

И чувствую взгляды оттуда
С желаньем приблизиться к ним,
Творю с девой нежное чудо,
Питаясь вновь духом святым...

Я мысли их все повторяю,
Загадку, волнение, судьбу,
И двигаюсь смело по краю,
Их тени вижу в гробу...

Они оживают мгновенно
И тоже целуют впотьмах,
Плевав на унылую бренность
Своих ошалевших девах...

Выходит, вся Вечность замкнулась,
Рождая нас из себя,
И всюду светлая юность,
Загадка, волненье судьба...

Из темноты возникновения (таинственные надписи)

Вещи и мысли из темноты...

Нас тоже сделали из темноты, когда еще ничего не было...

Нас придумали, чтоб мы были...

Нас придумали...

И теперь мы будем всегда...

Мы боимся темноты, потому что вышли из нее...

И мы ничего не знаем, потому что сами из темноты...

Я переворачиваю мир каждый день...

Меня из любопытства тоже переворачивают...

Всем хочется видеть изнанку обратной стороны как символ апокрифической тайны...

Я любил ее еще чаще, чем она меня... Она меня не любила, но я ее придумал, и ничего не мог изменить... Возможно, так созданная вещь когда-то погубит самого Творца...

Правда, это пустые предположения... Предположения – расхождения с собою в нашем времени... Времени нет, но мы этого не чувствуем... Оно выделяет нас из темноты, а мы выделяем его из себя... Перемещение сдвигает пространства и не дает никому из нас опормниться...

Опомниться, чтобы зарыться в себе... Зарыться и больше никогда не возникать...

Почему я – ошибка Создателя?! Неужели Создатель ошибся, создавая меня?!...

Я любил ее еще реже, чем она... Но меня она совсем не любила, она хотела любить, но не могла... Она была в плену очень сладких, но никому ненужных вещей... Она погрязла в вещизме, как погрязают в болоте бездумные путники или беспутники, т. е. распутники...

Я любил ее, чтобы доказать себе, что я что-то могу и что Создатель не ошибся, создавая меня... Я переворачиваю ее каждый день, я хочу увидеть изнанку ее души, но когда я ее переворачиваю, то ничего кроме нее самой не вижу или ее полового органа, в который опять должен проникнуть... Иногда я даже неожиданно прыгаю на нее, возникаю перед ней, и гляжу – разглядываю что в ней, но опять ничего не вижу кроме нее самой, таким образом я начинаю постигать ее сущность...

Впрочем, ни я, ни она абсолютно ничего не понимаем, мы одинаково сходим с ума, ибо ничего здесь не находим кроме себя, и может поэтому мы всегда находимся там, где нас нет...

Темнота создавая, прячет нас, поэтому тьма – мать...

Наглядно это выглядит так, – о нас подумали и мы возникли... Именно так и необъяснимо мы и возникаем друг в друге... Мы ощущаем сон перевоплощения и перевоплощаемся, неизменно оставаясь и снова прячась в Темноте, откуда и где мы и произошли...

Ужас Вселенной спрятанной в Темноте есть изначальная точка нашего с ней возникновения... Переборов свой страх, мы можем снова оказаться в темноте...

Нашего Творца тоже Кто-то придумал...

А когда он стал одинок, он придумал нас...

А чтобы ему было не скучно, Он, Творец придумал, чтобы мы постоянно совокуплялись друг с другом... И с тех пор мы совокупляемся и совокупляемся...

Вот так и возникло свойство растворяться в другом, ибо мы все сделаны из Темноты...

Темнота же и съедает наше воображение, она каким то чудом вытягивает нас из него и тут же съедает... А поэтому надо думать так, чтобы ничего не было... Впрочем, и думать не надо – Темнота не оставляет следов... Так не оставляющий после себя никаких следов Создатель уже давно живет и прячется среди нас... Во Вселенной везде и повсюду разбросаны его подсказки...

Кометы – огненные змеи бывших прежде, и посланные нам...

Мир волнами собирает Темноту, и Темнота вливается в него...

Темнота – Вечное море возникновений... Особенно это ощутимо в ночном оргазме, когда ночная мгла как символ Вечной Темноты окутывает мгновеньем прожитого счастья все твои чресла...

Темнота – Вечное море возникновений... И когда ее

не станет, не станет и нас, но только она вечна и постоянно возникает из Ничего, а из Нее все остальное... И поэтому мы всегда есть, хотя нас уже давным-давно и нет...

Понять это очень просто – надо положить себя на край Вселенной и подумать о Вечном...

Очень скоро мы захмелев, опять утонем друг в друге...

Все Вечное развивается по потерянному сценарию... Толт, кто его написал, уже давно забыл про него, но сценарий раз в тысячу световых лет повторяется...

Сценарий Бога – вымысел, но вымысел всегда проникает в реальность, отчего реальность теряет свойство доброты...

Человек, который существует, когда его уже нет, не может быть добрым...

Человек совокупляющийся тем более никогда не может осуществить себя, ибо цепочка одного и того же звена, протянутого в Вечность...

Мы совокупляемся с ней, чтобы ни о чем не думать... Так совокупляясь друг с другом, мы по своему отрицаем существующую реальность... Мы ничего не хотим кроме самих себя...

Мы совокупляемся потому что Добро это Зло, а это уже и совсем нонсенс...

Хаос тоже представляется несуразным сюрпризом, т. к. мы ни в жизни, ни в самом счастливом своем совокуплении не можем извлечь, или не успеваем извлечь всю совокупность гармоний, т. е. Истину Счастья...

Да, весь мир гармоничен, ибо сношается, сношается все — земля с небом и с солнцем, мы между собой, Темнота с Темнотой, и отовсюду вспыхнул Свет Возникновенья...

Мы поглядели туда и ослепли... Мы очень всего хотим, а потому ничего не можем...

Мы ничего не можем поделаться с собой, с миром, а главное с Темнотой, царящей в нас и около нас... Темнота — это игра света в прятки с Темнотой... В этой игре побежденным всегда оказывается свет... У света нет возможности остаться здесь навсегда и за что-нибудь зацепиться, чтобы после закрепиться, поэтому мы всегда помним, что Тьма = это Мать...

Человек теряет себя постоянно... Это особенно ощутимо в совокуплении... Ведь нельзя управлять собой, когда ты даже не знаешь, в какой момент из тебя полетит твое семя... Ты можешь только предчувствовать, но в предчувствии ты одинок и несовершенен, и все о чем ты думаешь — одевается в Темноту твоего незнания...

И ты, совокупляющаяся со мной, ты тоже не можешь управлять ни собой, ни мной, ты как и я ничего не знаешь, но именно поэтому нам легче управлять собой...

Существует невидимый механизм Всеобщего Совокупления, заставляющий нас управлять собой и всем миром... Гераклит говорил о знаках, которые посылают Боги... Я эти знаки называю подсказками, как Платон называл наши знания припоминаниями... Я припоминаю, что меня никогда

не было, и наконец я знаю, что я всегда был...

Уверенность в этом дает мне знание... Оно же припоминание... Следовательно, если я что-то припоминаю, значит, я уже был... Значит, я был с тобой и раньше, и раньше совокуплялся с тобой, если я знаю, как все это происходит... Значит, я был с тобой и не один раз...

Мы совокупляемся потому что Добро это Зло, а это уже парадокс...

Доказательство Небытия проистекает из вечного свойства противоречить и противиться всему, что лезет в тебя чреслами в чресла, мыслями в голову и наконец чувствами в Душу...

Я постиг себя постепенно и постиг с помощью звезд...

Я вдруг понял, что если они светят, если они есть, а их уже и нет, то я тоже есть, хотя меня уже и нет... И ты есть, и тебя нет, раз я с тобой совокупляюсь... И даже наше совокупление – оно то есть, то его нет... Время не имеет границ и мы постоянно в его владениях...

Понять это проще простого... Надо просто на чем-то остановиться... Я остановился на нашем совокуплении... Одна плоть и другая тождественная ей, одна вошла в другую, чтобы возникла третья... Так мы участвуем в процессе создания новой Вселенной, хотя нас уже нет, и нет этой самой Вселенной... Но мы постоянно возникаем благодаря Темноте из которой вышли и куда снова уйдем...

Мы все теряем нежное тепло

Проистекает вдаль земная жизнь,
Горчит и сладость юной красоты,
Сначала ласково нас манит к себе высь,
Бросая после в Вечность все мечты...

Устанешь строить замки на песке
И в лонах дев искать безумный миг,
Чтоб после ощущать себя в тоске,
И рисовать вместо лица один лишь штрих...

Завидую ушедшим в Царство Тьмы,
Всем сбросившим с себя хмельное зло,
Даже упавшие в огонь живой Любви
Мы все теряем нежное тепло...

Женщина

Я нашел ее на помойке... Она лежала там грязная, просто отвратительная и всеми-всеми позабытая, брошенная в самые нечистоты...

Еще у нее не было одной ноги и одной руки, а лицо было катастрофически приплющено, являя тем самым весь ужас восточного уродства с завыванием диких ветров...

Одетая, или правильнее будет сказать, навьюченная в безобразии разноцветного мятого тряпья, она напоминала если не чучело, то безумно фантастическое пугало...

Еще от нее пахло нафталином и прожитым веком...

Впрочем, окружающее ее зловоние мусорной свалки мешало мне думать, не то чтобы собирать и анализировать какие то запахи... Но я все равно ее подобрал...

Я тоже был одинок и потерян во времени... Увы, она не могла идти, т. к. постоянно теряла равновесие... В довершение ко всему ее круглую как яйцо голову украшало только сияние солнца в виде одной светящейся точки, если, конечно, не брать во внимание три жиденьких, совершенно незаметных волосинки...

– Хорошая она или плохая, но она моя, – думал я, с удовлетворением переворачивая ее тело на плече... Легкая как пушинка, она могла сорваться от одного только дуновения ветра, если б я ее не придерживал своей рукой, даже не ру-

кой, а одним ее пальцем... Однако, когда ее вши перелезли на меня, она вообще потеряла свой вес...

— И для чего я ее подобрал, — глупо смеясь и ошалело прижимая ее к себе, я не столько задавался вопросом, сколько беспощадно уничтожал вшей ее телом... Я прижимал ее к себе так крепко, что несчастная вошь тут же прекращала свое идиотское существование...

Правда, от этого их меньше не становилось...

Порою, мне казалось, что она их собрала со всей нашей планеты, и теперь с превеликой радостью отдает их мне в благодарность за то, что я ее подобрал...

И все же хуже всего было мне от людей... Такого резкого и гортанного смеха я еще не слышал никогда... А потом, когда вокруг тебя смеется не один человек, а многотысячная толпа, и когда кажется, что твои барабанные перепонки вот-вот лопнут, а тебе становится так жутко, будто иты уже в последнюю минуту оглядываешь чудовищное безобразие родимой земли, то тогда и вовсе позабываешь о том, что ты только что пошел вразрез со смыслом своего существования и подобрал на свалке нечто странное, более чем живой предмет, называвшийся когда-то человеком...

Только в доме, как в собственной крепости, я немного пришел в себя и чуть не утопил ее в ванной... Я мыл ее сотнями мыл и шампуней... Я тер ее и ее вшей мочалкой как наждачной бумагой... Она пищала как пойманная мышь... А ее разноцветное тряпье я тут же сжег в духов-

ке... Из милости я разрешил ходить ей голой, и поскольку она не могла удержать равновесия, она ползала по моему дому как нажравшийся червяк... Для начала она съела в один присест все содержимое моего холодильника... Три замороженные куры, семь замороженных котлет по-киевски, пять килограммов свиного сала, десять банок говяжьей тушенки, шесть бедер индейки, два батона краковской колбасы и батон докторской, пачку сливочного масла и полтора литра подсолнечного масла, литр оливкового масла, литр молока, банку сгущенки и банку сметаны, три бутылки аргентинского вина «Мальбек», литровую бутылку «Кедровой» водки и полтора литра

«Кваса», не считая 2-ух десятков яиц...

Зато у нее был восхитительный беззубый рот, которым она нежно ласкала интимные подробности моего прошлого... В общем, я был счастлив.... Счастлив как ребенок, что завел себе кошечку или собачечку... На худой конец, черепаху... Она действительно ползала как черепаха...

И почему-то не говорила, а мычала, все время напоминая о своем животном происхождении... Поскольку она с трудом заползала на унитаз, я принес ей кошачий поддон с наполнителем... Правда, когда я был дома, я всегда сосредоточенно держал ее над унитазом...

Не то, чтобы мне сильно нравился сам процесс дефекации, просто иногда она одаривала меня таким ярким и радостным умилением, когда в знак благодарности проливали

ручьями звериные слезы, не позабывая при этом сладостно мычать и тереться об меня своей лысой головой с тремя жидкими волосинками...

Ночами она робко забиралась ко мне в постель, и ласково приобняв с двух сторон рукой и ногой, как двумя гигантскими ручищами, тихо и застенчиво совокуплялась со мной...

Со временем я пришел к выводу, что она меня беззастенчиво насилует...

Я жаждал добиться конца этому безобразию, но безобразие оказалось столь настырным и столь удивительно желанным, что я уже и сам с нетерпением ждал, когда же она меня наконец изнасилует... Будто заклинатель змей своей дочкой завораживающий холонокровных тварей, она своими хорошо сохранившимися конечностями рукой и ногой весьма ловко манипулируя и вращая моим телом, так сильно завораживала и разжигала такое зверское любопытство, что мой дикий ор и ее сладкоголосое мычание сливались в одну безумную какофонию земного концерта...

А потом ее неожиданно раздуло и она стала весить с центер... Она уже еле-еле заползала на постель... Ни о каком сексе не было и речи... Под такой тушей я мог запросто испустить дух...

И я уже не держал ее над унитазом... Она сама с трудом забиралась на кошачий поддон, а когда она оттуда уползала, за ней тянулся хвост разбросанных какашек...

Меня тошнило, трясло и просто выворачивало наизнан-

ку... Я начал подумывать о самоубийстве, когда стряслось чудо... Теперь о чуде по порядку... Один знакомый посоветовал ее свозить к экстрасенсу, который по его словам почти за гроши заговаривал любые хвори...

А поскольку речь шла о грошах, то к нему всегда выстраивалась громадная очередь, но мой знакомый помог нам с моим чудовищем попасть вне очереди, за что мне пришлось расплачиваться

далеко не грошами... Зато почти час что-то бормотал над безумной тушей моей эсхатологической половинки... А когда мы вышли от экстрасенса на улицу, в одну секунду полил сильный дождь, грянул гром, и яркая вспышка молнии тут же ударилась об нее и исчезла... Только странный дымок взлетел от моей подруги, тут же смывая образ свежееиспеченной утки... На какое-то мгновение от нее так аппетитно запахло, что я даже облизнулся... Однако стоило только мне придти в себя, как я снова рехнулся... Она выглядела просто потрясающей красавицей, и куда девались ее маленькие узенькие глазки, в мгновение ока превратившиеся в необычайно огромные красивые глаза, глаза смешавшие цвет небесной лазури с листвой и с волной океана... Будто по мановению волшебной палочки она превратилась в тонкую тростинку, имеющую две изящные ручки и две притягательно-соблазнительные ножки... И, О, Чудо!... Она заговорила, и как заговорила, высоким поэтическим слогом...

– Потом жарким я обливаюсь, зеленее травы становлюсь

я, – проворковала моя умопомрачительная и так прижалась ко мне, что мое сердце, да, что там сердце, вся моя душа пошла волнами на небеса... Боже, да это же Сапфо, великая и прекрасная женщина-Муза, женщина – Поэзия, явилась мне из грязных нечистот, чтоб парадоксом существа спалить всю Душу...

Ну, уж, нетушки, – я быстро делаю в кармане фигу и потихоньку-полегоньку убираюсь от нее за угол, вроде я вас и не знаю, а потом уже бегом сломя голову и к черту на кулички...

А, ну, этих баб, мужички, давайте лучше пивка в бане попьем! – ору я, но в этот момент моя разлюбезная и только что вышедшая из сказки женщина хватить меня за шкурку и на божественных крылах со мной в постель... С тех самых пор я и сам превратился в некое живое живородящее существо, т. е. земное и вполне осязаемое простецкое животное...

Теперь уже моя женщина меня поит, кормит, обувает, одевает, а я тихо и незаметно для всех

становлюсь грязным отвратительным чудовищем, каким до всего этого пребывала она, моя и только моя, подобранная с помойки женщина...

Так мир переворачивается вокруг своей оси и все, и всех меняет местами, а мы как подопытные кролики, влюбляемся, сношаемся, ужасаемся и снова влюбляемся... Нам некогда молиться, некогда каяться, некогда думать и анализировать свою бессмысленную жизнь, поэтому мы живем просто,

как все остальные существа животного мира, без вопросов переваривая только что съеденное нами, в том числе и нашу собственную мысль ни о чем...

Ну, а если это Ты меня переворачиваешь, моя безумная женщина, то я тебя тоже переворачиваю, и поэтому, в конечном счете, мы все равны между собой... Мы уже друг друга подбираем с помойки, отмываем, начищаем до блеска, приводим в чувства, и с новой яркой силой влюбляемся друг в друга до тех пор, пока не умрем...

В Тебе существовал я словно в бездне

В Тебе существовал я словно в бездне,
Парил во тьме безумного мгновенья,
Огнем Твоим горел, свергаясь в небо
И проникал в невидимый твой мир,
Творя из праха образы Бессмертья...

Зародыш в капле, я в Тебе,
Боль наслажденья ощущал с Любовью,
Кружась, шептал и растворялся в Твоем Лоне,
Прекрасным Ангелом мерцала Божья Ночь,
Нас возвращая вмиг из Пустоты
Таинственно-Пленительных Рождений...

Вот так вела свой разговор и наша Смерть,
Так тьма нашептывала сказочные сны,
Так Детство быстро пролетало миражом,
И Красотой обманутая Юность,
Дышала неприкаянностью глаз...

Из темноты возникновения

2 (таинственные надписи)

Потом я остановился на бумаге и ручке... Они тоже участвовали в процессе возникновения того, что было и того, чего никогда не было...

Процесс возникновения мыслей и их переноса на бумагу приблизительно воссоздает картину возникновения Мира и нашего полового акта... Так мой разум дает мысль, а рука с ручкой воссоединяясь с бумагой создают текст, я воссоединяясь с тобой создаю новую жизнь или иллюзию ее возникновения... Так и наш Создатель участвует в создании нашего Мира и нас самих...

Он постоянно что-то выдумывает и мы возникаем... Когда он перестает думать – мы умираем... Время как необходимое для создания число не имеет причин останавливаться, ибо оно тоже сделано из Темноты, как и мы, его завели одним движением мысли...

Разгадку и причину нашего происхождения дал Рене Декарт... Это он самый всемогущий и самый проницательный из всех людей воскликнул: О чем человек не помыслит, – все будет!

В своем усердьи он почувствовал Творца... Так мысль материализует людей...

Но есть весьма мучительный вопрос, вопрос из Темноты...

Творец создал нас, но кто создал Творца?! Кто создал Творца?

Если мысль материализует людей, то о нас подумал Творец, и мы возникли...

Но кто подумал о нем, чтобы он тоже возник?!

Чем больше я думаю, тем больше темноты становится в моих мыслях...

Тогда я захотел уйти от себя, но меня кто-то спрятал... Этот кто-то спрятал меня в твоём теле и в нашем половом акте, наверное, чтобы я меньше задавался вопросом, – зачем и для чего я существую, и кто, когда, зачем меня создал?!

Впрочем, меня спрятала Любовь! Любовь к тебе, к женщине! Ведь ты тоже возникла из Темноты... А возникая снова и снова друг в друге мы опять рожаем Темноту...

Карл Юнг говорил, женщина не думает, а подбирает мысли и упрямо наносит ими удар...

Выходит, Карлу досталась такая женщина и по ней он судит остальных...

Темнота сводит с ума одинаково всех... И поэтому мы все сводимся, наши концы и начала сводятся, переплетаются... И поэтому здесь в Темноте всегда справляется вечная свадьба...

Праздник вечной нужды одного по другому... Вот и Карл Юнг постучался ко мне из Темноты... Он был зол за припо-

минание ему женщины... Но я заметил в Темноту и кто-то со мной согласился, что многие думу-ющие – жующие думу мужчины ущербно отзываются о женщине...

И как-то само собой уткнулся в Аристотеля... Аристотель выглядывал из Темноты самым безумным своим афоризмом... Афоризм – мысль перевернутая сознанием – это не Аристотель, это я... А вот и Аристотель – Женщина – это ущербный, изувеченный самой природой мужчина... Обычные мысли одиноких голубых, сладко дремлющих в своем однополлом царстве...

Обозленный Аристотель тоже прибегал ко мне из Темноты и долго, монотонно стучался в мои озаренные вечным светом мозги, выражая вместе с ветром всю бесперспективность моего ночного мышления... А потом мы снова с тобой совокуплялись... Та же монотонность движений дышала фантастической силой и теплотой... Так Темнота изливалась из нас нашим внутренним светом... Видно, сам Создатель решил мне помочь осмыслить гармонию хаоса... И предчувствие – припоминание о том, что мы все произошли из Темноты...

Когда я снова устал думать и писать, ты снова обняла меня и мы снова совокупились, иными словами мы с тобой породнились, чтобы когда-нибудь снова убраться в Темноту...

А где же наше Начало?! Где живет Оно?! – возмутилось где-то вдалеке от нас лежащее на ночных облаках и освещенное звездами мое подсознание...

– В Темноте, глупое, – рассмелся я, а со мной и ты, уже оплодотворенная и одухотворенная мной... А потом я устал от всего вечного и темного...

– Вот и сейчас что-то случится, – подумал я, и что-то действительно случилось...

Меня ослепило солнце, оно обнажило край моего сознания со спрятанной в Темноте мыслью... Просто я ее так долго берег для других, что она потеряла всякий смысл и перестала существовать как ты, как женщина, которая перестала быть мной и со мной...

А потом я снова загрузился окружающим миром, я задышал, зашагал, задумался о вещах, которые выдумал тоже сам, но которые как мне показалось, мне подсказал сам наш Создатель...

Может поэтому я, как и Создатель закопался в собственном творенье... Лишь напоследок припомнив обрывок молитвы, – по Образу и подобию своему... Аминь!...

Ночная нимфа

– Деваха безрассудная,
Что сидишь ты голая?!
– Ночка очень лунная,
Вот я и веселая!
– Боже, да ты пьяная!
– Сдувает ветерок,
Подружка окаянная
Сманила в погребок!
– Да не как, в засосах ты,
Неужто кто любил?!
– Да тут в лесу с матросами
Большуший праздник был!
И все меня обвили,
Кусали вроде мух,
Словно вулкан по силе
Взорвался и потух!
– И что же ты, несчастная,
Куда пойдешь сейчас?!
– Да, ночка очень ясная,
Ищу ночных прекрас!
Не хочешь, побалуемся,
Уляжемся в траву,
До крови исцалуемся,
Лишь прошепчи: Люблю!

– Да, что ты, дева пьяная,
Объелась белены?!

– Нет, я просто странная,
Ищу везде любви!

Супружеский шпионаж

Она ждала меня день, два, месяц, а затем нашла себе мужчину, крепенького мужичка, здоровенного такого самца... Вообще-то я никуда не уезжал и тем более ниоткуда не возвращался, я просто затаился, чтобы понаблюдать, т. е. вообразил себе, что могу на досуге заняться супружеским шпионажем... А поскольку Анфиса уверяла меня не раз, что любит только меня одного, поскольку я единственный, кто когда либо на ней женился, в кои то веки, но хоть раз, то как-то само собой я решил ее проверить... С этой целью я набрал себе кучу еды, упаковав ее в холодильную сумку, взял множество разных хитрых приспособлений и спрятался под нашей супружеской кроватью с длинным балдахином, благо, что Анфиса вообще не имела привычки когда либо мыть полы и убираться... Зато как она любила и умела сношаться!

Чтоб не чихать от пыли, я надел на морду распыратор, а чтоб не подохнуть от скуки взял ноутбук, на котором глядел немые фильмы с участием Чарли Чаплина, еще прихватил фонарик с книжкой об агенте 007... Хочу заметить, что как герой Джеймс Бонд здорово вдохновлял меня на весьма серьезные безумства...

По ночам, когда Анфиса спала, причем спала она очень крепко, громко похрапывая и частенько разговаривая сама с собой во сне, я ходил в туалет, выползая из под кровати

без всякой опаски... И также без всякой опаски делал свое дело...

Хуже стало потом, когда у нее появился мужчина! Этот боров до 3-х ночи измывался над ее бедным телом, а после еще часа два сидел в туалете, шурша газетами и журналами, по-видимому устроив себе там для разнообразия читальный зал... А потом еще целый час возился на постели и пыхтел... Анфиса спокойно храпела, а он все возился, вульгарно причмокивая губами и хлюпая носом... Пружины под ним ужасно скрипели и мне было так не по себе, что даже пропадало желание сходить в туалет... К тому же этот сукин сын засыпал только под утро, когда уже рассветало... Поэтому облегчался я с такими нервами и с таким страхом для себя, что даже и не думал смывать после себя... Боялся, черт возьми, застукают!

А у них из-за этого постепенно начались скандалы. Каждый думал на другого, и все сильнее укреплялся в своем мнении, что другой из чисто хулиганских соображений не смывает!

Наконец их ненависть друг к другу достигла своей кульминации...

Следующее утро опять началось у них с взаимных упреков и этот мерзавец уже нисколько не владея собой, ударил мою Анфису, мою драгоценную супругу чем-то тяжелым, возможно своей огромной лапищей и быстро вынесся из квартиры... Анфиса лежала на полу с закрытыми глазка-

ми...

Между нами была дистанция в общей сложности в два коротеньких шажка, поэтому я из под кровати мог хорошенько разглядеть растущий под ее правым глазом фингал...

Постепенно ее унылое молчание становилось все более ужасным и подозрительным...

Вскоре я не выдержал и вылез из под кровати и стал щупать пульс на ее правой ручке, но когда я дотронулся до ее ручки, она раскрыла свои волшебные глазки, закричав прямо таки нечеловеческим голосом... Ну, конечно, за долгое время скупулезного лежания под кроватью и безумного занятия супружеским шпионажем я весь оброс и сильно перепачкался, но зачем же так пугать нормального человека?!

Так ведь и с ума сойти можно! – говорил я ей потом в ванной, где она нежно меня мыла мягкой пушистой мочалкой и одновременно сбривала мою нелепую бороду... Конечно, Джеймса Бонда из меня не получилось, зато с тех пор мы стали жить с Анфисой душа в душу...

Правда, иногда по вечерам этот самый мужик нас посещает из любопытства, и тогда мы садимся с ним играть в шахматы... И долго, просто уморительно смеемся все вместе, вспоминая, как я прятался у них под кроватью и никогда после себя не смывал, из-за чего у них всегда случались глупые ссоры... А Анфиска моя не только смеется, но еще и машет у меня перед носом указательным пальчиком, и лукаво так мне подмигивает... А мужик ее бывший смеется еще гром-

че, – бедолага, он еще не знает, что мы с Анфиской давно уже живем, т. е. спим под нашей супружеской кроватью, вроде как играя снова в наш семейный шпионаж...

Загуляли пьяные девчонки

Загуляли пьяные девчонки
И давай себя везде швырять,
Поднимая платица, юбчонки,
Поминая любящую мать...

Закружились милые артистки,
Отчаянно парней сводя с ума,
Кто от водки, кто от виски
Божьей птичкою стремясь на небеса...

И в тумане сладкого отсутствия
Сквозь обманы поцелуев-снов
Ангел сощерялся их всех с сочувствием,
Уже оплакивая светлую Любовь...

Последняя правда любви

Как заметил Аристотель, добродетель не имеет цели, поскольку она не наука...

Замечание очень верное. Однако Клюгель пошел еще дальше, – в своей книге «Случай удачного безверия» он пишет, что творчество вообще не имеет смысла, ибо природа творчества в чистом виде представляет собою хаос и поэтому в противовес этому любой организованный порядок является тоже творением... Цикенбаум в «Мифологии безумного рассудка» продолжает ту же самую тему. Он пишет, что ни один художник не может отличить добро от зла, потому что ему нравится как творцу делать со своим созданием что угодно... Это всеядное любопытство Творца, как и нашего Создателя – Господа Бога не имеет границ...

Именно отсюда проистекает закон Вечного Эго, по которому всякий тип вкусивший запретный плод творчества может быть использован Творцом в самых таинственных целях...

Однако более всего меня поразил рассказ Амулетова «Жалость» – рассказ о двух влюбленных, ставших мужем и женой... История начинается с момента их первой влюбленности... «Стоило ему ее увидеть, как он покачнулся от неожиданности, сердце его громко забилося, зрачки заблестели, а руки вспотели, и он безумной птицей устремил-

ся к ней...

Встретившись с его глазами, она хитро улыбнулась, и внезапно нежно прижимаясь к нему всем телом, в танце, который возник будто по мановению волшебной палочки, в чаще весеннего леса, среди пения птиц и журчания светлых ручьев, они ощутили себя вдвоем небесными созданиями... Это была Любовь с первого взгляда... Через полгода они вступают в брак и проводят свой медовый месяц на Капри, где солнце одинаково ярко на восходе, как и на закате, и где среди нежной итальянской речи можно расслышать волнение оперы, того самого восхитительного пения, какое поднимает на небо наши сердца...»

Постепенно их любовь в браке угасает под влиянием монотонного хода времени и множества неожиданных причин, перерастающих в бесконечные проблемы свободы тела и рабства Души... Как заметил еще Гераклит, – знания похищают наш разум...

Как-то случайно, а может даже из острой необходимости, следуя странной логике вещей, муж изменяет своей жене...

«Это произошло на автобусной остановке, где он встретился глазами с молодой красивой девушкой-студенткой... У нее были зеленые глаза хищной кошки... Поймав его возбужденный страстный взгляд, она провела по ярко накрашенным алым губам розовым языком, нав кончике которого блеснул золотой пирсинг в виде маленького сердечка... В автобусе он незаметно коснулся ее руки и кивнул в сторону ле-

са... Онга понимающе моргнула своими кошачьими глазами, и на следующей остановке они сошли вместе... Пальцы их рук сплелись и они молча как две загипнотизированные друг другом сомнамбулы вошли-вползли-впились в мохнатую позверски очаровательную чашу леса... И там в густом и пушистом мхе, среди разлапистых елей и высоких папоротников они по змеиному ласково и томно переплелись телами, уходя в Бесконечность...»

В рассказе семейная жизнь напоминает вялотекущую шизофрению, – герои говорят друг другу одни и те же, будто заученные с невидимых учебников дежурные фразы супругов...

«– Ты как? – А ты как?! – Все нормально! – У меня тоже!» – Автор несколько не щадит своих героев, опуская их еще дальше и глубже, на самое дно их бессмысленной жизни.

Вскоре жена узнает об измене мужа... «Ее хищные ноздри раздуваются как у сказочного чудовища, когда ее близкая подруга, неженатая и завистливая Регина, втайне злорадуясь, с виду очень волнуясь и печальясь, рассказывает ей о том, как она видела ее мужа и девочку-студенточку на киносеансе в соседнем городе, куда она тоже от скуки забрела и обомлела...»

И тогда жена изменяет своему мужу...

«Как лунатик она подошла поздним вечером к ресторану, к часу закрытия, когда оттуда стали как горошины высыпаться на засыпающую улицу подвыпившие мужчины... – Хоти-

те, – она стыдливо взяла за руку офицера-моряка и повела его к темным аллеям городского парка... – Хочу! – рявкнул офицер, хищно сжимая ее и тут же падая с ней в кусты... – Ах, не надо! – с удивлением и отчаянием вскрикнула она, но офицер сделал свое дело, оставив ей каплю семени в лоне, оставив часть себя в ее грязном и порочном теле...»

Так жена становится беременной от первого попавшегося ей мужчины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.